

Содержание

Ольга Докучаева. Стих о Голубиной книге по списку из собрания В. М. Ундольского	335
Елена Петрова. О влиянии «Кандида» Вольтера и «Тристрама Шенди» Лоренса Стерна на «Нос» Н. В. Гоголя и «Село Степанчиково» Ф. М. Достоевского	348
Софья Сатарова. Рассказ Н. С. Лескова «Томление духа». <i>История текста</i>	361
Марфа Русанова. «Ночное путешествие» В. Я. Брюсова. <i>Интермедиаальный перевод как символистская стратегия текстуальности</i>	377
Владимир Емельянов. «Путем зерна» В. Ф. Ходасевича и мистерии Таммуза	388
Елена Закрыжевская. О возможном генезисе стихотворения В. Ф. Ходасевича «Друзья, друзья! Быть может, скоро...»	415
Бьянка-Елена Кирилэ. Тема еды в прозе Д. И. Хармса. <i>Из наблюдений над тематическим сплетением «еда – наука – метафизика»</i>	428
Указатель имен	445
Содержание пятнадцатого тома	460

Тираж 500 экз.

Редакция:

А. Ю. Балакин, Е. А. Глуховская,
А. А. Кобринский (главный редактор),
О. В. Макаревич, А. С. Пахомова, А. А. Чабан

Адрес редакции:

191036, Санкт-Петербург, 1-я Советская ул., д. 10, лит. К.
Тел. (812) 449-52-50. E-mail: summerschool@list.ru

2019 XV (4)

ЛЕТНЯЯ ШКОЛА ПО РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Летняя школа по русской литературе

2019 (4)

международная летняя школа
по русской литературе

Выходит 4 раза в год

Редакционный совет:

Проф. А. А. Кобринский (Санкт-Петербург, Россия), председатель

К. ф. н. А. Ю. Балакин (Санкт-Петербург, Россия)

Проф. И. Ю. Виницкий (Принстон, США)

Проф. А. А. Долинин (Мэдисон, США)

Проф. А. К. Жолковский (Лос-Анджелес, США)

Проф. О. А. Лекманов (Москва, Россия)

Проф. М. Ю. Люстров (Москва, Россия)

Г. В. Обатнин, PhD (Санкт-Петербург, Россия / Хельсинки, Финляндия)

<http://schoolsummer.jimdo.com>

Свидетельство о регистрации средства массовой информации

ПИ № ФС 77 – 63198 от 1 октября 2015 года

Индекс по каталогу подписки «Урал-пресс»: ВН017186

ISSN 2587-8190 = Letnáâ škola

С 30 ноября 2017 года журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

© Авторы статей, 2019

© «Летняя школа по русской литературе», 2019

Contents

Olga Dokuchaeva. The poem about *The Golubinaja kniga* in the collection of V. M. Undol'skij 335

Elena Petrova. About the influence of Voltaire's *Candide* and Laurence Sterne's *Tristram Shandy* on *Nose* by N. V. Gogol and *The village of Stepanchikovo* by F. M. Dostoyevsky 348

Sofia Satarova. N. Leskov's story *Yearning of the spirit. The history of the printed text* 361

Marfa Rusanova. *An Overnight Journey* by V. Bryusov. *Intermedial translation as a symbolic textual strategy* 377

Vladimir Emelianov. V. F. Khodasevich's *Grain's Way* and lamentations for Dumuzi 388

Elena Zakryzhevskaja. On possible genesis of the poems by Vladislav Khodasevich *Friends, friends! Maybe soon* 415

Bianca-Elena Chirilă. The thematic concept of food in D. I. Kharms' literary work. On the thematic intertwining *food – science – metaphysics* 428

Index 445

Contents of the volume 460

Editorial Board:

Alexey Balakin, Aleksandra Chaban, Elena Glukhovskaja,
Alexander Kobrinsky (Chief Editor),
Olga Makarevich, Aleksandra Pakhomova,

Editorial address:

191036, St.-Petersburg, 1st Sovetskaya ul., 10, lit. K.
Phone number: (812) 449-52-50. E-mail: summerschool@list.ru

БЬЯНКА-ЕЛЕНА КИРИЛЭ
(Санкт-Петербург)

ТЕМА ЕДЫ В ПРОЗЕ Д. И. ХАРМСА

Из наблюдений над тематическим сплетением «еда — наука — метафизика»

Статья посвящена рассмотрению особенностей темы еды и способам отражения кулинарно-пищевых кодов в прозе Даниила Хармса. В фокусе исследования оказались произведения, написанные между 1929 и 1934 годами как в чинарском, так и в обэриутском ключе. Особое внимание уделяется метафизической основе художественных произведений русского авангардиста и тому влиянию, которое оказали на них точные науки, такие как астрономия, геометрия и физика.

Ключевые слова: Д. И. Хармс, еда, поэтика выразительности, тематическое сплетение, кулинарно-пищевые коды.

Информация об авторе: Кирилэ Бьянка-Елена, магистр Санкт-Петербургского государственного университета. Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: bianca.chirila905@yahoo.com

The thematic concept of food in D. I. Kharm's literary work

On the thematic intertwining „food — science — metaphysics“

The aim of this article is to present the literary nuances of the thematic concept of food and the culinary patterns' manifestation within Kharm's prose. The focus of the present study is directed to those literary works, written between 1929 and 1934 not only in the literary manner and techniques of *Chinary*, but those of *OBERIU* as well. Moreover, in the present study we intend to disclose the fundamental nature of the metaphysical pattern in Kharm's literary works and the scientific influences they present within such areas as astronomy, physics and mathematics.

Key words: D. I. Kharm's, food, the poetics of expressiveness, thematic intertwining, culinary code.

About the author: Chirilă Bianca-Elena, master studies at Saint-Petersburg State University. Saint-Petersburg, Russia.

DOI 10.26172/2587-8190-2019-15-4-428-444

I

После публикации всего корпуса произведений Д. И. Хармса научная литература о нем непрерывно увеличивается, постоянно предлагаются новые ракурсы и методы, новые подходы к раскрытию творческой интенции писателя. Несмотря на то, что в последние десятилетия в сфере литературоведения кулинарный код стал наиболее изученным,¹ в хармсоведческих исследованиях он не применялся широко: можно назвать только работу Елены Кусовац «О еде, или +/- е(с)м(ь) в творчестве Даниила Хармса», в которой исследователь рассматривает тему еды через призму экзистенциального и метафизического осмыслений.² В настоящей статье предпринята попытка показать, что упоминания еды в произведениях Хармса не являются способом отображения только телесного мира. Цель исследования — раскрыть как метафизическую, так и этическую идейно-тематические стороны таких обэриутских и пост-обэриутских произведений Хармса, как «Тут все начали говорить по-своему...» (1933–1934), «Иван Петрович Лундапундов...» (1930) и «О явлениях и существованиях № 1» (1934), в которых заметны влияния «чинарского мировоззрения».

Как известно, «сборище» чинарей было кружком, в который входили А. И. Введенский, Д. Хармс, Л. С. Липавский, Я. С. Друскин и Н. М. Олейников. Собраниям кружка была свойственна «форма бесконечного философско-эстетического и этического диалога».³ Таким образом, чинарское мировоззрение

¹ Напомним несколько наиболее выдающихся исследований в области «литературной кулинарии»: *Жолковский А. К.* Михаил Зощенко: Поэтика недоверия. М., 1999. (Глава XII. Еда на границе жизни и смерти. С. 233–246); *Рудаковская Э.* Семантика пищи в повести А. Платонова «Котлован» // Балтийский филологический курьер. 2003. № 3. С. 60–71; *Lahikainen J.* „You look delicious“: Food, Eating, and Hunger in Margaret Atwood’s Novels. Jyväskylä, 2007; *Cozzi A.* The Discourses of Food in Nineteenth-Century British Fiction. New York, 2010; *Козубовская Г. Л.* Проза А. П. Чехова: Архетип еды // Культура и текст. 2011. № 12. С. 445–464; *Lee M. P.* The Food Plot in the Nineteenth-Century British Novel. New York, 2016.

² *Кусовац Е.* О еде, или +/- е(с)м(ь) в творчестве Даниила Хармса // Russian Literature. 2006. № 3–4. P. 399–409.

³ *Сажин В. Н., Дмитренко А. Л.* Краткая история чинарей // «...Сборище друзей, оставленных судьбою». А. Введенский, Л. Липавский, Я. Друскин, Д. Хармс, Н. Олейников: «Чинари» в текстах, документах и исследованиях: В 2 т. / Сост. В. Н. Сажин. М., 2000. Т. 1: А. Введенский. Л. Липавский. Я. Друскин. С. 42.

определяется философскими исканиями писателей, в фокусе которых оказались такие темы, как смерть и бессмертие, переосмысление временных и пространственных категорий, хаос и ничто, вопрос о вере, детерминизме и свободе воли.

По воспоминаниям Друскина, Хармс вошёл в состав дружества чинарей в 1925 году и называл себя «чинарь-визиральник».¹ По словам исследователя В. Н. Сажина, чинари до 1930-х годов имели «деятельную форму существования», а после 1930-х «наступает период диалогической формы общения, переносимой и в собственно художественную форму».² Отдельно Хармс был одним из составителей экспериментально-художественной группы «Объединение реального искусства» (ОБЭ-РИУ), которая была создана в 1927 году и просуществовала до 1929 года. Главной характеристикой поэтики обэриутов стала переориентация на семантический эксперимент, рождающий новый поэтический язык и «новое ощущение жизни и ее предметов» за счет столкновения словесных смыслов.³ «Свободная воля» предмета⁴ стала постулатом «реального искусства». Отказ от разума и неспособность языка как такового достичь трансцендентного объединяет поэтику обэриутов с философией чинарей.

Наиболее значимой для нашей статьи является периодизация творческого наследия Хармса, составленная Ж.-Ф. Жаккаром.⁵ Согласно ей, творчество писателя делится

---

¹ Друскин Я. Звезда бессмыслицы // «...Сборище друзей, оставленных судьбою». Т. 1. С. 549.

² Сажин В. Н. «...Сборище друзей, оставленных судьбою» // Тыняновский сборник: Четвертые Тыняновские чтения. Рига, 1990. С. 197.

³ Заболоцкий Н. А. Поэзия обэриутов // Заболоцкий Н. А. Метаморфозы / Сост., подг. текста, вступ. ст. и комм. И. Е. Лощилова. М., 2014. С. 522.

⁴ О «свободной воле предмета» см. трактат «Предметы и фигуры, открытые Даниилом Ивановичем Хармсом. 8 августа 1927 года. Петербург»: «Пятое значение определяется самим фактом существования предмета. Оно вне связи предмета с человеком и служит самому предмету. Пятое значение — есть свободная воля предмета» (Хармс Д. И. Полн. собр. соч.: В 3 т. / Сост., подг. текста и прим. В. Н. Сажина. СПб., 1999. Т. 2. С. 306. Далее цитаты из художественных произведений Хармса приводятся по этому изданию с указанием номера тома и страницы в тексте. Все тексты приводятся в современной орфографии).

⁵ См.: Жаккар Ж.-Ф. Даниил Хармс: поэт в двадцатые годы, прозаик в тридцатые: (Причины смены жанра) // Жаккар Ж.-Ф. Литература как таковая. От Набокова к Пушкину: Избранные работы о русской словесности. М., 2011. С. 169–183.

на два периода, каждому из которых присуща определённая тенденция. Первый период (1925–1932) назван Жаккаром «оптимистическим» и характеризуется эстетическими, семантическими экспериментами и философскими исканиями. Второй период (1933–1941) — период сомнений и творческого скепсиса, выраженных посредством поэтики абсурда.

На фоне исследования кулинарно-тематического кода нами выявлены две художественные тенденции, свойственные вышеупомянутой периодизации и определяющие специфику «хармсовской кулинарии»: метафизическая и этическая. Размышляя над ролью темы еды в творчестве Хармса, можно заметить, что она включает в себя следующие культурные планы бытия:

1) *экзистенциально-метафизический* — еда как выражение дихотомии бытие/небытие, еда/голод, галлюцинация, обжорство/трансценденция к «имманентному», определяющий поиск таких непостижимых модусов, как «божественное», «бесконечное» и «вневременное», свойственных онтологическим категориям. «Чинари» стремились к созданию нового мироощущения для постижения тайны потустороннего, «соседнего» мира — своего рода выражения абсолютного равновесия и «ничто».

2) *экзистенциально-социальный и этический* — гастрономия и кулинария в связи с абсурдистским человеческим поведением и существованием в обществе. К середине 1930-х годов творческая манера писателя изменяется, причиной чего стал его первый арест. В этот период художественный мир Хармса начинает приобретать пессимистические и аморально-жесткие черты, что нашло наиболее яркое выражение в таких произведениях как «Ссора» (<20 ноября 1933>), «— Пейте уксус господи!..» (<1933–1935>), «Лидочка сидела на корточках...» (<сентябрь 1935>), «Что теперь продают в магазинах» (<19 августа 1935>), «Касирша» (31 августа 1936), «Грязная личность» (21 ноября 1937), «Новый талантливый писатель» (12–30 октября 1938), «Когда я вижу человека...» (<1939–1940>), «Реабилитация» (10 июня 1941). Только искусство, та «чистота порядка» и «реальность первого ряда», понимаются автором как спасение от уродливого и бескультурного внешнего мира. Эта

дихотомия внутреннего стремления к прекрасному искусству и «господства обстоятельств» внешнего мира приводит к недоверию к нему и чувству творческой импотенции.

В качестве метода для анализа художественных текстов, в которых присутствует тема еды, нами была выбрана структурная поэтика, прежде всего — поэтика выразительности. Мы применили методологию, представленную в совместной работе А. К. Жолковского и Ю. К. Щеглова «Работы по поэтике выразительности».¹

При рассмотрении кулинарной темы в творчестве Хармса применена главная схема поэтики выразительности: тема — приемы выразительности — текст. Согласно этой теории, под темой понимается исходный и абстрактный элемент, содержащий определённую идею или жизненную ситуацию, с помощью которой автор сообщает некую (возможно и скрытую) информацию, отображённую с помощью приёмов выразительности. По словам исследователей, в круг этих приёмов вписываются «художественные полуфабрикаты», т. е. «общелитературные фабульные мотивы, архетипические ситуации и символы, имеющие свои собственные темы».² Важным для нашего исследования окажется и приём «тематическое сплетение». Его функция — передать «наиболее эффективную организацию восприятия тем».³

Так как тема еды является исходным элементом нашего исследования, непосредственно связанным с действительностью, невозможно отделить ее от исторического контекста или от метафизических мировоззрений Хармса, которые оказывали влияние на творчество писателя. Отметим, что Хармс создаёт художественный мир, основанный на абсурдистских «явлениях и существованиях» деградирующей и раздробленной действительности. Читателя поражает не только картина мира хармсовских текстов, но и особенность художественного стиля, а также глубоко философская их составляющая.

---

¹ Жолковский А. К., Щеглов Ю. К. Работы по поэтике выразительности: Инварианты — Тема — Приёмы — Текст: Сб. статей / Предисл. М. Л. Гаспарова. М., 1996. С. 14–19.

² Там же. С. 16.

³ Жолковский А. К., Щеглов Ю. К. Структурная поэтика — порождающая поэтика // Вопросы литературы. 1967. № 1. С. 80.

В связи с этим не удивительно, что одними из главных тем творчества Хармса являются недоверие к миру, карнавальность и поверхностность человеческого существования в отношении к важным вопросам бытия.

Рассматривая метафизическую основу темы еды в произведениях русского авангардиста, отметим, что она воспринимается через призму темы науки. Метафизические поиски Хармса осуществлялись в тесном взаимодействии с научной тематикой, являющейся связью между «предметным» и «трансцендентальным». Особенное влияние на формирование философского мышления писателя оказали математика и астрономия, которые в поэтике Хармса и других чинарей/обэриутов играли важную роль в создании таких абстрактно-философских понятий как «ничто/ничто», «ноль/нуль», «круг», «число», «единица», «материя» и т. д. Создавая эту псевдо-философскую систему, писатели стремились найти ответы на непостижимые метафизические вопросы о вневременности, вечности и бесконечности. Рассматривая влияние научных знаний на творчество Хармса, исследователь М. Б. Ямпольский считает, что «интерес к геометрии, квазиматематике для Хармса мотивирован тем, что она относится к области идеального, вневременного, трансцендирующего историю, и одновременно объективного».¹

Обсуждая стремление русских авангардистов использовать «наивные» научные теории в сфере их художественных исканий и подходящего им философского мировоззрения, Жаккар утверждает, что

Для утопической мысли характерны поиски достижения целостного знания мира, для чего необходимо было создать такую целостную систему, которая бы охватывала новейшие научные и философские открытия. Один из самых ярких примеров тому — та роль, которую сыграли неевклидова геометрия и теория относительности в создании нового представления о мире.²

¹ Ямпольский М. Б. Беспмятство как исток: (Читая Хармса). М., 1998. С. 13.

² Жаккар Ж.-Ф. От философии к метафизике: видеть и ведать. «Расширенное смотрение», «вне-сетчаточное зрение, ясновидение» // Научные концепции XX века и русское авангардное искусство. Белград, 2011. С. 75.

Исследование роли точных наук в формировании авангардного искусства представлено в статьях, входящих в сборник «Научные концепции XX века и русское авангардное искусство».¹ Доказательством наличия научной тематики в творчестве чинарей является тот факт, что на их собраниях, проходивших в доме Л. С. Липавского, обсуждались темы, касающиеся не только гуманитарных наук, таких, как философия, социология и теология, но и точных — геометрии, физики, механики. Разговорам чинарей на научные темы посвящена статья А. А. Кобринского.²

Наука в поэтике Хармса становится способом связи между предметным и трансцендентным мирами. На фоне научной тематики, которая отображена в обэриутской/ чинарской поэтике конца 1920-х — начала 1930-х годов, тема еды проявляется как часть предметного, материального мира. Иллюстрацией тематической связи «наука — еда» можно назвать произведения «Иван Петрович Лундапундов...» (1930), «Тут начали говорить по-своему...» (1933–1934) и «О явлениях и существованиях № 1» (1934). В этих рассказах грань между наукой и метафизикой стирается. Герои этих произведений находятся в поисках ответов на вопросы, связанные с бесконечностью, (соляренным) рядом и порядком чисел (или с их положением вне порядка) — все они принадлежат сферам математики и астрономии. На данном этапе необходимо добавить, что дальнейшие анализы вышеупомянутых художественных произведений даны исходя не из хронологии их написания, а в соответствии с присущими им (т. е. текстам) тематическими сближениями.

II

В рассказе «О явлениях и существованиях № 1» присутствуют тематическая связь «еда — наука» и изображения астрономических явлений. Научная тема дискредитирована,

---

¹ Научные концепции XX века и русское авангардное искусство. Белград, 2011.

² См.: Кобринский А. А. «Разговор на научные темы»: Обэриуты и физика // Научные концепции XX века и русское авангардное искусство. С. 167–174.

так как она приобретает пародийный характер, и в фокусе автора оказывается метафизическое осмысление «явлений и существований». В комментариях к рассказу В. Н. Сажин обсуждает значение заглавия, которое пародийно отсылает к труду И. Канта «Критика чистого разума». Эта пародия имеет функцию утверждения ирреальных и мнимых явлений и существований, которые нельзя отождествить с подлинной действительностью.¹

Тема еды в этом рассказе появляется во второй части миниатюры, в образах грибов на траве и огромной ложки на небе. Отметим, что оба предмета тесно связаны с мифологическими представлениями о потустороннем мире.²

Образ гриба создан с помощью приёма конкретизации: гриб отождествляется с человеком, указывая как на его земное существование и гниющий характер человеческой телесности, так и на его стремление к небесному.³ Следовательно, люди-грибы представляют собой существа в двух измерениях, материальном и небесном: «Комаров и художник Миккель Анжело садятся в траву, и сидят они в траве, как грибы» (2, 47).

Кулинарный образ ложки на небе, включая в себя сравнение ложки с кометой,⁴ осмысливается как земная, материальная вариация небесного тела: «...на небе вырисовывается

---

¹ Сажин В. Н. Примечания // Хармс Д. И. Полн. собр. соч. В 3 т. Т. 2. С. 437.

² См. об этом известную работу: Топоров В. Н. Семантика мифологических представлений о грибах // Топоров В. Н. Исследования по этимологии и семантике. М., 2005. Т. 1: Теория и некоторые частные ее приложения. С. 756–812.

³ Топоров пишет о том, что гриб в мифологических представлениях сочетает два элемента, «небесный и хтонический», и его образ является вписанным в космологическую схему. Более того, образу гриба свойственны ассоциации с метеорологическими природными явлениями (дождём, громом, молнией) (Там же. С. 770–777).

⁴ В связи с отождествлением небесных тел с кухонными предметами (в нашем анализе комета — ложка), можно вспомнить другой художественный текст Хармса: «Вот я сижу на стуле» (<1931>). В этом произведении звезды создают фигуру «кастрюли с ручкой»: «Стали люди к звездам внимательнее приглядываться и заметили, что звезды расположены на небе фигурами. Вот семь звезд расположены в виде кастрюли с ручкой, вот три звезды прямо одна за другой стоят как по линейке» (2, 33).

огромная ложка. Что же это такое? Никто этого не знает. Люди бегут и застревают в своих домах. И двери запирают, и окна. Но разве это поможет? Куда там! Не поможет это» (Там же). Астрономическое явление — падение кометы-ложки на землю — воспринимается через призму мифологического сознания, так как появление кометы с древних времён, особенно в Средневековье, приобретало эсхатологическое осмысление. Отсюда и чрезмерный страх людей при виде этого не совсем космического тела.

Несмотря на то, что мотивное сплетение кулинарно-пищевых образов гриба и ложки-кометы представляет собой символ потустороннего мира, эти кулинарные образы являются также столкновением двух категорий: земного и небесного.

Далее в тексте кулинарный образ используется, чтобы подчеркнуть различие между двумя историческими периодами (современность и прошлое), которые изображены посредством градации: «Я помню, как в 1884-м году показалась на небе обыкновенная комета величиной с пароход. Очень было страшно. А тут — ложка! Куда комете до такого явления» (2, 47).¹ Важная роль, которую играет образ окна в поэтике Хармса,² подчеркивается раздражением рассказчика тем, что люди закрывают двери и окна: «Запирать окна и двери!

---

¹ Интересно, что упоминание рассказчиком 1884 года и дата написания рассказа, 18 сентября 1934 года, отсылают к открытию кометы «14P/ Вольф» Максом Вольфом 17 сентября 1884 года. О комете «14P/ Вольф» см. информацию на сайте Jet Propulsion Laboratory (California Institute of Technology). Электронный ресурс: <https://ssd.jpl.nasa.gov/sbdb.cgi?sstr=14P> (дата обращения 08.02.2020). Отметим, что произведение «О явлениях и существованиях № 1» написано спустя 50 лет с момента этого научного открытия.

² Образ окна и его функции в творчестве русского авангардиста рассматривали М. Б. Ямпольский и А. А. Кобринский. Ямпольский считал, что образ окна осмысляется Хармсом по-разному: окно есть знак, обозначающий имя его первой жены (Эстер), Логоса и места «дефигурации», а также переход к трансцендентальному (см.: *Ямпольский М. Б.* Беспамятство как исток. С. 42–73). Кобринский писал о том, что окно у Хармса воплощает мифологему перехода из одного пространства в другое: «общемифологическое представление о переходе на границе между двумя различными типами пространств» (*Кобринский А. А.* Поэтика ОБЭРИУ в контексте русского литературного авангарда XX века. Изд. 3-е, испр. и доп. СПб., 2013. С. 139).

Разве это может помочь? Против небесного явления доской не загородишься» (Там же). Тем самым отображается бессмысленность страха человека перед внезапными явлениями. Замкнутое пространство становится защищенным от опасности внешнего мира местом.

Наука в тексте представлена также упоминанием теорий планетарной туманности и межзвёздного газа, которые в произведении дискредитируются:

У нас в доме живет Николай Иванович Ступин, у него теория, что всё дым. А по-моему, не всё дым. Может, и дыма-то никакого нет. Ничего, может быть, нет. Есть одно только разделение. А может быть, и разделения-то никакого нет. Трудно сказать (2, 47).

В этом фрагменте заметна пародия на астрономические теории о туманности и составе вещества, более того, научная тема сведена к нулю, к «ничто»; так выражаются пустота и вневременная вечность, занимающие особое место не только в квази-трактатах Хармса,¹ но и в его творчестве. Полагаем, что в данном произведении философская категория «ничто» связана с мотивом ужаса. Несмотря на то, что комета — символ ноля-круга (следственно, и совершенства), она отождествляется с чувством апокалиптической опасности. Как утверждал Жаккар, обратившийся к семантике круга в творчестве Хармса, «ноль — это также и образ небытия».²

Обратимся к теме физики, которая отражена в миниатюре «Иван Петрович Лундапундов...» (<1930>). Этот текст выбран нами вследствие наличествующей в нем тематической связи «еда — физика», при этом в фокусе оказывается

¹ В русле онтологических исканий Хармсом были написаны трактаты «Измерение вещей» (17–21 октября 1929), «Сабля» (19–20 ноября 1929), «Одиннадцать утверждений Даниила Ивановича Хармса» (18 марта 1930), «Cisfinitum. Письмо к Леониду Савельевичу Липавскому. Падение ствола» (16 октября 1930), «Нуль и ноль» (9–10 июля 1931 года), «О круге» (10 июля, 17 июля, без года), «<О существовании, о времени, о пространстве>» (<март–апрель 1940>), «Безконечное, вот ответ на все вопросы...» (2 августа 1932) и «Числа не связаны порядком...» (<1933>).

² Жаккар Ж.-Ф. Возвышенное в творчестве Даниила Хармса // Жаккар Ж.-Ф. Литература как таковая. С. 208.

кулинарно-пищевой образ яблока. Этот текст может быть рассмотрен как пародия на классическую теорию тяготения И. Ньютона. Приведём текст полностью:

Иван Петрович Лундапундов хотел съесть яблоко. Но яблоко выскользнуло из рук Ивана Петровича. Иван Петрович нагнулся, чтобы поднять яблоко, но что-то больно ударило Ивана Петровича по голове. Иван Петрович вскрикнул, поднял голову и увидел, что это было яблоко. Оно висело в воздухе.

Оказывается, кто-то приделал к потолку длинную нитку с крючком на конце. Яблоко зацепилось за крючок и не упало.

Морозов, Угрозов и Запоров пришли к Ивану Петровичу Лундапундову (2, 376).

В этом тексте очевидна пародия на точные науки и эмпирическое знание и, помимо этого, подчеркивается случайный характер научных открытий. В произведении создаётся реверсия теории тяготения: яблоко не падает, чтобы помочь сделать одно из величайших научных открытий, а наоборот — взлетает по воздуху и ударяет Ивана Петровича по голове. В отличие от открытия теории тяготения Ньютоном, это событие ни к чему не приводит. Исследователь пародию на научные факты и концепты в произведениях Хармса, Т. Йовович отмечает, что Хармс исчерпывает образцы научных фактов и общепринятых истин, «пока жестоким анализом не выделяет его за предел логики или в абсолютный смысловой тупик. Только тогда, освобождённый от всякого привычного приёма, предмет используется с новым смыслом, текущим в руслах авангарда».¹ К вышесказанному необходимо добавить интерпретацию, предложенную Е. Кусовац. Исследователь пишет об отождествлении образа яблока с образом шара — символом гармонии. По её мнению, в тексте очевидны стремление персонажа Лундапундова к возвышенному и невозможность прикоснуться к нему.²

¹ Йовович (Никишич) Т. Симулирование науки у Д. Хармса // Научные концепции XX века и русское авангардное искусство. С. 219–220.

² Кусовац Е. О еде, или +/- е(с)м(ь) в творчестве Даниила Хармса. С. 403.

В произведении «Тут все начали говорить по-своему...» (5 октября <1933–1934>) упоминается неевклидова геометрия, оказавшая особое влияние на хармсовское мировоззрение. В этом произведении присутствует отсылка к библейским сюжетам. Согласно комментарию В. Н. Сажина,¹ первая строчка миниатюры напоминает о падении вавилонской башни и смешении языков. После отсылки к библейскому сюжету в тексте осуществляется переход к тематике природы, а конкретнее — к мотиву дерева, с помощью приёма варьирования (т. е. внезапного перехода сюжетной линии от одной ситуации к другой): «Тут все начали говорить по-своему. Хвилищевский подошёл к дереву и поцарапал кору. Из коры выбежал муравей и упал на землю. Хвилищевский нагнулся, но муравья не было видно» (2, 44). Предполагаем, что в фокусе находится проблема языка. Потеря конвенциональных языковых возможностей, которая в творчестве Хармса является частью абсурда, предполагает приближение к деревьям для достижения первородной цели — познания истины, скрытой тайны.² Таким образом, пространство природы приобретает сакральное обозначение.

Первое высказывание «Тут начали говорить по-своему» претерпевает трансформацию во второй части текста: «Тут все начали говорить о числах» (2, 42). Числа — новый язык, который заменяет первоначальный всеобщий язык, уничтоженный Богом. Мотив числа включает в себя тему еды

¹ Сажин В. Н. Примечания. С. 435.

² В произведении «Исследование ужаса» Л. С. Липавского рассказчик, создавая по рассеянности мир, «которому нет названия», считает, что нужно молиться ему, подобно тому как раньше люди молились «разноцветным камням и деревьям»: «Нет сомнений, это изумительный мир! Если хотите, ради него стоит идти на жертвы, ему можно даже молиться. Разве не молились люди разноцветным камням и деревьям?..» (*Липавский Л. Исследование ужаса // «...Сборище друзей, оставленных судьбою»*. Т. 1. С. 76). Для Друскина дерево — сакральный предмет: «Молодые побеги дерева — зеленые почки прекрасны <...>. Их материя — чистая, неоскверненная. Рост их непостижим» (*Друскин Я. Щель и грань // «...Сборище друзей, оставленных судьбою»*. Т. 1. С. 685). Деревья принадлежат «тосветному» миру: «...представь себе дерево тосветное, и возвышается, и дерево то — бесконечное, и дерево то — не в пространстве, а как бы во времени...» (*Друскин Я. <Тосветный мир> // Там же*. С. 739).

посредством варьирования: «Тут все начали говорить о числах. Хвицилевский уверял, что ему известно такое число, что если его написать по-китайски сверху вниз, то оно будет похоже на булочника» (Там же). Отметим, что в китайском языке также используются арабские цифры, и единственное возможное число, похоже на булочника, — это число «8», которое «сверху вниз» отображает знак бесконечности «∞». Следовательно, в этом тексте тема еды воплощает собой загадку и тайну вечности. Хвицилевский считает, что число необходимо держать «в тайне», поскольку этот «новый» язык чисел содержит в себе загадку бытия — ноль и нуль, так как сам знак бесконечности являет собой сплетение двух кругов. В связи с этим в квази-философском трактате «Нуль и ноль» утверждается, что «...учение о бесконечном будет учением о поле. <...> Символ нуля — 0. А символ ноля — О. Иными словами, будем считать символом ноля круг» (2, 313). Круг для Хармса станет символом бесконечности и совершенства.

По нашему мнению, существует метаинтертекстуальная связь между миниатюрой «Тут все начали говорить по-своему» и текстом «Бесконечное, вот ответ на все вопросы...» (2 августа 1932). Второй текст является квази-философским трактатом, объясняющим истинную природу чисел, формирующих бесконечность: «Несколько чисел первого десятка уложилось в кругу нашего сознания и соединило нас с бесконечностью. <...> Точку соединения этих двух рядов, одного естественного и непостижимого, а другого явно выдуманного, но объясняющего первый, — точку их соединения мы назвали НУЛЬ» (4, 14).

Возвращаясь к произведению Хармса «Тут все начали говорить по-своему...», обратим внимание на третью и последнюю часть текста, представляющую собой соединение других двух частей этой миниатюры (т. е. соединение первой части, в которой раскрывается мотив Логоса, слова, и второй — о тайной природе числа):

Числа, такая важная часть природы! И рост и действие, всё число.

А слово, это сила.

Число и слово, — наша мать (2, 42).

Высказывание рассказчика «Числа, важная часть природы» сопоставляет этот текст с трактатом «Числа не связаны порядком...» (<1933>), в котором числа отождествляются с деревьями и травой, которые хаотично расположены по пространству вне всякого установленного порядка: «Многие думают, что числа, это количественные понятия вынутые из природы. Мы-же думаем, что числа, это реальная порода. Мы думаем, что числа вроде деревьев или вроде травы» (4, 16). Таким образом, «числа» вне порядка подобны деревьям. Точнее, их характеризует случайность. Напоминаем, что для чинарей дерево является предметом сакральной коммуникации. Число, отождествляясь с природой, с деревом (о чем мы писали выше), приобретает статус нового языка, оно становится тем словом, которое действует в противовес логическому мышлению и стремится к распознаванию непостижимого и божественного.

В результате данного исследования выяснилось, что тематическое сплетение «еда — наука — метафизика» определяет особое философское мировоззрение Хармса. В этом случае кулинарный код станет ключом к раскрытию этого чинарского, философского мировоззрения. Отметим, что в проанализированных нами произведениях Хармса выявляется дискредитация точных эмпирических знаний, их детерминированного языка и даже воздействие бессознательного на разум (страх при наблюдении кометы-ложки на небе, потеря коммуникативных способностей в «Тут все начали говорить по-своему...» и приближение к природе). Исследуя особенность отражения научных категорий в творчестве Хармса, Т. Йовович считает, что «отношение Хармса к точным наукам и вообще к наукам, оперирующим причинно-последовательным мышлением, весьма отрицательное. Они несоединимы со свободой человеческого духа, и только отказом от привычного и логического воспринимается истинная полнота бытия». ¹ В итоге еда у Хармса является абстрактным и исходным элементом реального мира, создающим связи «индивид — потусторонность» и «индивид — действительность». Кулинарно-пищевые коды воспринимаются как

¹ Йовович (Никшич) Т. Симулирование науки у Д. Хармса. С. 220.

сюжетно-идейный компонент хармсовского текста, обусловленный онтологическими исканиями писателя; на их возникновение повлияли и научные открытия начала XX века.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Жаккар Ж.-Ф.* Возвышенное в творчестве Даниила Хармса // Жаккар Ж.-Ф. Литература как таковая. От Набокова к Пушкину: Избранные работы о русской словесности. М., 2011. С. 198–216.
2. *Жаккар Ж.-Ф.* Даниил Хармс: Поэт в двадцатые годы, прозаик в тридцатые (Причины смены жанра) // Жаккар Ж.-Ф. Литература как таковая. От Набокова к Пушкину: Избранные работы о русской словесности. М., 2011. С. 169–183.
3. *Жаккар Ж.-Ф.* От философии к метафизике: видеть и ведать. «Расширенное смотрение», «вне-сетчаточное зрение, ясновидение» // Научные концепции XX века и русское авангардное искусство. Белград, 2011. С. 75–94.
4. *Жолковский А. К.* Михаил Зощенко: Поэтика недоверия. М., 1999.
5. *Жолковский А. К., Щеглов Ю. К.* Работы по поэтике выразительности: Инварианты — Тема — Приёмы — Текст: Сб. статей / Предисл. М. Л. Гаспарова. М., 1996.
6. *Жолковский А. К., Щеглов Ю. К.* Структурная поэтика — порождающая поэтика // Вопросы литературы. 1967. № 1. С. 73–89.
7. *Йовович (Никшич) Т.* Симулирование науки у Д. Хармса // Научные концепции XX века и русское авангардное искусство. Белград, 2011. С. 219–229.
8. *Кобринский А. А.* «Разговор на научные темы»: обэриуты и физика // Научные концепции XX века и русское авангардное искусство. Белград, 2011. С. 167–174.
9. *Кобринский А. А.* Поэтика ОБЭРИУ в контексте русского литературного авангарда XX века. Изд. 3-е., испр. и доп. СПб., 2013.
10. *Козубовская Г. Л.* Проза А. П. Чехова: Архетип еды // Культура и текст. 2011. № 12. С. 445–464.
11. *Кусовац Е.* О еде, или +/- е(с)м(ь) в творчестве Даниила Хармса // Russian Literature. 2006. № 3–4. P. 399–409.
12. *Рудаковская Э.* Семантика пищи в повести А. Платонова «Котлован» // Балтийский филологический курьер. 2003. № 3. С. 60–71.
13. *Сажин В. Н., Дмитренко А. Л.* Краткая история чинарей // «...Сборище друзей, оставленных судьбою». А. Введенский, Л. Липавский, Я. Друскин, Д. Хармс, Н. Олейников: «Чинари» в текстах, документах и исследованиях: В 2 т. / Сост. В. Н. Сажин. М., 2000. Т. 1: А. Введенский. Л. Липавский. Я. Друскин. С. 5–45.

14. Сажин В. Н. «...Сборище друзей, оставленных судьбою» // Тыняновский сборник: Четвертые Тыняновские чтения. Рига, 1990. С. 194–201.
15. Топоров В. Н. Семантика мифологических представлений о грибах // Топоров В. Н. Исследования по этимологии и семантике. М., 2005. Т. 1: Теория и некоторые частные ее приложения. С. 756–812.
16. Ямпольский М. Б. Беспамятство как исток: (Читая Хармса). М., 1998.
17. Cozzi A. The Discourses of Food in Nineteenth-Century British Fiction. New York, 2010.
18. Lahikainen J. „You look delicious“: Food, Eating, and Hunger in Margaret Atwood’s Novels. Jyvaskyla, 2007.
19. Lee M. P. The Food Plot in the Nineteenth-Century British Novel. New York, 2016.

REFERENCES

1. Cozzi A. The Discourses of Food in Nineteenth-Century British Fiction. New York, 2010.
2. Jaccard J.-Ph. Daniil Harms: Poet v dvadcatye gody, prozaik v tridcatye (Prichiny smeny zhanra) // Jaccard J.-Ph. Literatura kak takovaya. Ot Nabokova k Pushkinu: Izbrannye raboty o russkoj slovesnosti. M., 2011. S. 169–183. (In Russ.)
3. Jaccard J.-Ph. Ot filosofii k metafizike: videt’ i vedat’. «Rasshirennoe smotrenie», «vne-setchatochnoe zrenie, yasnovidenie» // Nauchnye koncepcii XX veka i russkoe avangardnoe iskusstvo. Belgrad, 2011. S. 75–94. (In Russ.)
4. Jaccard J.-Ph. Vozvyshennoe v tvorchestve Daniila Harmsa // Jaccard J.-Ph. Literatura kak takovaya. Ot Nabokova k Pushkinu: Izbrannye raboty o russkoj slovesnosti. M., 2011. S. 198–216. (In Russ.)
5. Jovovich (Nikshich) T. Simulirovanie nauki u D. Hamsa // Nauchnye koncepcii XX veka i russkoe avangardnoe iskusstvo. Belgrad, 2011. S. 219–229. (In Russ.)
6. Kobrinskij A. A. «Razgovor na nauchnye teme»: oberiuty i fizika // Nauchnye koncepcii XX veka i russkoe avangardnoe iskusstvo. Belgrad, 2011. S. 167–174. (In Russ.)
7. Kobrinskij A. A. Poetika OBERIU v kontekste russkogo literaturnogo avangarda XX veka. Izd. 3-e., ispr. i dop. SPb., 2013. (In Russ.)
8. Kozubovskaya G. L. Proza A. P. Chekhova: Arhetip edy // Kul’tura i tekst. 2011. № 12. S. 445–464. (In Russ.)
9. Kusovac E. O ede, ili +/- e(s)m(‘) v tvorchestve Daniila Harmsa // Russian Literature. 2006. № 3–4. R. 399–409. (In Russ.)

10. *Lahikainen J.* „You look delicious“: Food, Eating, and Hunger in Margaret Atwood’s Novels. Jyvaskyla, 2007.
11. *Lee M. P.* The Food Plot in the Nineteenth-Century British Novel. New York, 2016.
12. *Rudakovskaya E.* Semantika pishchi v povesti A. Platonova «Kotlovvan» // Baltijskij filologicheskij kur’er. 2003. № 3. S. 60–71. (In Russ.)
13. *Sazhin V. N., Dmitrenko A. L.* Kratkaya istoriya chinarej // «...Sborishche družej, ostavlennyh sud’boyu». A. Vvedenskij, L. Lipavskij, Ya. Druskin, D. Harms, N. Olejnikov: «Chinari» v tekstah, dokumentah i issledovaniyah: V 2 t. / Sost. V. N. Sazhin. M., 2000. T. 1: A. Vvedenskij. L. Lipavskij. Ya. Druskin. S. 5–45. (In Russ.)
14. *Sazhin V. N.* «...Sborishche družej, ostavlennyh sud’boyu» // Tynyanovskij sbornik: Chetvertye Tynyanovskie chteniya. Riga, 1990. S. 194–201. (In Russ.)
15. *Toporov V. N.* Semantika mifologicheskikh predstavlenij o gribah // Toporov V. N. Issledovaniya po etimologii i semantike. M., 2005. T. 1: Teoriya i nekotorye chastnye ee prilozheniya. S. 756–812. (In Russ.)
16. *Yampol’skij M. B.* Bespamyatstvo kak istok: (Chitaya Harmsa). M., 1998. (In Russ.)
17. *Zholkovskij A. K.* Mihail Zoshchenko: Poetika nedoveriya. M., 1999. (In Russ.)
18. *Zholkovskij A. K., Shcheglov YU. K.* Raboty po poetike vyrazitel’nosti: Invarianty — Tema — Priyomy — Tekst: Sb. statej / Predisl. M. L. Gasparova. M., 1996. (In Russ.)
19. *Zholkovskij A. K., Shcheglov YU. K.* Strukturnaya poetika — porozhdayushchaya poetika // Voprosy literatury. 1967. № 1. S. 73–89. (In Russ.)